

УЧАСТИЕ СОВЕТА МИНИСТРОВ В ФОРМИРОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1906–1914 ГГ.)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2020-0-1-12-18>

Актуальность научной проблемы изучения организационно-правовых основ деятельности и роли Совета министров Российской империи в формировании законодательной политики в отношении Дальнего Востока в рассматриваемый период определяется важностью административных и социально-экономических изменений, происходивших на данной территории и совпавших с коренным преобразованием высших органов государственной власти. Совет министров, его председатель, находившиеся в новых условиях, вызванных конституционными преобразованиями и изменением роли самого высшего правительственного органа, стали важнейшими государственными учреждениями, обладавшими широкими полномочиями по управлению национальными окраинами Российского государства. Предметом исследования выступают правовые основы организации и деятельности Совета министров по разработке и осуществлению законодательной политики в отношении Дальнего Востока, практика взаимодействия с другими государственными учреждениями. Целью исследования является выявление особенностей организационно-правовых форм деятельности правительства по разработке и осуществлению законодательной политики в отношении данной территории. Методологию работы составляют сравнительно-правовой и историко-правовой методы. В ходе исследования сделан вывод о том, что при определении содержания дальневосточной программы правительство руководствовалось волей императора, интересами влиятельных политических кругов в палатах парламента, насущными потребностями, продиктованными условиями развития края, а также представлениями о внешнеполитических угрозах. Совет министров стал важнейшей площадкой, где учитывались различные политические интересы и окончательно выработывались законопроекты, получавшие поддержку на всех этапах своего прохождения по инстанциям. Эффективность работы правительства в данном направлении повышалась с созданием Комитета по заселению Дальнего Востока. Материалы статьи заслуживают внимания специалистов в области истории государства и права, а также исследователей вопросов управления национальными окраинами Российской империи.

АВЕРИН

Михаил Борисович

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории, истории государства и права и философии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Москва)

kafedra_teorii@list.ru

**Совет министров;
председатель Совета министров
Российской империи;
Комитет по заселению
Дальнего Востока;
приамурский генерал-губернатор;
иркутский генерал-губернатор;
законодательный процесс**

Mikhail B. AVERIN

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor, Department of
Theory, History of State and Law
and Philosophy, All-Russian State
University of Justice (Moscow)

kafedra_teorii@list.ru

**PARTICIPATION OF THE COUNCIL OF MINISTERS
IN THE FORMATION OF LEGISLATIVE POLICY
IN RELATION TO THE FAR EASTERN SUBURBS
OF THE RUSSIAN EMPIRE (1906–1914)**

The importance of the research problems of studying the legal framework and the role of the Council of Ministers of the Russian Empire in the formation of legislative policy in the Far East during the period under review is determined

**Council of Ministers;
Chairman of the Council of
Ministers of the Russian Empire;
Committee for Settlement
of the Far East;
Amur Governor-General;
Irkutsk Governor-General;
legislative process**

by the importance of administrative and socio-economic changes taking place in the area and coincided with a fundamental transformation of the higher organs of state power. The Council of Ministers and its Chairman, who were under new conditions caused by constitutional changes and changes in the role of the highest government body, became the most important state institution that had broad powers to manage the national outskirts of the Russian state. The subject of the study is the legal basis for the organization and activities of the Council of Ministers for the development and implementation of legislative policy in relation to the Far East, the practice of interaction with other state institutions. The purpose of the study is to identify the features of organizational and legal forms of government activity in the development and implementation of legislative policy in relation to this territory. The methodology of the work consists of a comparative legal and historical legal method. The study concluded that in determining the content of the far Eastern program, the government was guided by the will of the Emperor, the interests of influential political circles in the houses of Parliament, urgent needs dictated by the conditions of development of the region, as well as ideas about foreign policy threats. The Council of Ministers became the most important platform for taking into account various political interests and finalizing draft laws that received support at all stages of their passage through the instances. The effectiveness of the government's work in this direction increased with the creation of the Committee for the settlement of the Far East. The materials of the article deserve the attention of experts in the field of state and law history, as well as researchers on the management of the national outskirts of the Russian Empire.

Очевидные экономические выгоды от эксплуатации природных ресурсов Восточной Сибири и Дальнего Востока, новые торговые пути, отсутствие здесь столь же сильных конкурентов в военно-политическом плане, как на Западе, породили стихийную и организованную государством колонизацию. Однако тяжелые природные условия и огромные расстояния всегда служили естественным тормозом для успешного осуществления Российским государством освоения данных территорий.

Использование природных ресурсов восточных окраин Российской империи в XIX – начале XX вв. в ходе промышленной революции и усиливающегося империалистического соперничества развитых государств становилось крайне сложной и затратной задачей для российского правительства. Колоссальные затраты на строительство Транссибирской магистрали не могли дать мгновенного экономического эффекта. Выделение средств на дальневосточную политику происходило за счет снижения финансирования центральной части страны [1, с. 345]. Процесс освоения территории и переселения крестьян из европейской части страны находился в зависимости от целого ряда причин, но военно-стратегическое значение Великого Сибирского пути было трудно переоценить. Проблема поддержания безопасности дальневосточных границ на рубеже веков находилась в центре внимания имперских верхов.

Неудачная для России Русско-японская война и Первая русская революция еще больше усилили противоречия между необходимостью сложных во всех отношениях реформ в европейской части страны и дорогостоящей политики укрепления российского владычества на Дальнем Востоке.

Массовое переселение крестьянства на восточные окраины страны должно было отчасти снизить социальный накал в центре, а также способствовать хозяйственному освоению окраин, укреплению там имперского влияния, но без затрат на оборону восточных рубежей все эти мероприятия могли закончиться полным провалом. Таким образом, успех дела освоения дальневосточных территорий находился в прямой зависимости от финансово-экономических и военно-политических усилий Российского государства и правительства.

Начальник департамента Переселенческого управления, заведующего переселением на Дальний Восток и Северный Кавказ, В. Ф. Романов отмечал, что переселение крестьян в Приамурье в необходимых размерах для прочного удержания в российских руках было неосуществимым по «естественно-экономическим причинам» [2, с. 242]. Однако широкие круги правительственных чиновников, сам П. А. Столыпин придерживались противоположных взглядов, отдавая первенство уплотнению русского населения. Ответ В. Ф. Романова на вопрос Столыпина о том, что надо

сделать для сохранения данного края за Россией: «Самое главное – правильная внешняя политика», – вызвал возражение главы правительства [2, с. 242].

Процесс формирования и осуществления законодательной политики в отношении Иркутского и Приамурского генерал-губернаторств, участие в нем реформированного Совета министров Российской империи в период между Первой русской революцией и началом Первой мировой войны продолжают оставаться недостаточно изученной научной проблемой. Отдельные ее аспекты затрагиваются в исследованиях, посвященных экономическому развитию данных территорий, вопросам эмиграции, переселенческой политики, а также организации управления [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 16]. Но роль Совета министров, ставшего в рассматриваемый период важнейшим высшим государственным учреждением, где обсуждались законодательные мероприятия в отношении национальных окраин Российской империи, все еще нуждается в изучении.

В результате реформ 1905–1906 гг. в России формируется дуалистическая монархия. Император обладает всей полнотой исполнительной власти, по закону пользуется правом законодательной инициативы, а также осуществляет абсолютное вето в отношении законопроектов, принятых Государственной Думой и Государственным Советом.

Монарх может председательствовать на заседаниях правительства – обновленного Совета министров. Во главе последнего стоит назначаемый царем председатель, который может присутствовать при общих докладах главе государства отдельных министров. Министры несут политическую ответственность исключительно перед монархом, но любые общие вопросы по управлению страной должны предварительно обсуждаться на заседаниях Совета министров. Военный министр, морской и иностранных дел сохраняли независимость от правительства, но, нуждаясь в поддержке последнего, его председателя были вынуждены выносить на обсуждение наиболее важные вопросы.

Юридически Совет министров не обладал правом законодательной инициативы, которое осуществлял император. Последний мог в определенных случаях, в порядке верховного управления, издавать нормативные акты, имевшие силу закона. Остальные акты императора должны были носить подзаконный характер.

На практике именно министры ставили вопрос перед императором о необходимости разработки соответствующего законопроекта или нормативного правового акта, исходившего от главы государства, а в случае положительного решения занимались его разработкой. Однако теперь все вышеуказанные вопросы в большинстве случаев требовали предварительного обсуждения в Совете министров. В некото-

рых случаях законопроекты обсуждались в Военном совете, Адмиралтейств-совете, Комитете финансов и некоторых других высших совещательных учреждениях, что тем не менее не умаляло роли реформированного Совета министров. Кроме того, именно министры и иные главы ведомств вносили от имени императора в Государственную Думу законопроекты. Правительство обеспечивало им поддержку. Внесенные в парламент депутатами законопроекты в интересах правительства также становились объектом предварительного обсуждения в заседаниях Совета министров.

Более или менее важные постановления правительства требовали императорского утверждения. Благодаря энергичному председателю П. А. Столыпину правительство обладало определенной долей самостоятельности от главы государства, а отдельные министры были вынуждены считаться с его мнением. Наиболее важные проблемы в области правоприменительной практики также выносились на заседания правительства.

Совет министров, таким образом, превратился в высшее государственное учреждение, фактически обладавшее наибольшим влиянием на законодательную политику Российской империи, постановления которого в значительной мере предопределяли решения монарха.

В отношении национальных окраин России, где имелись генерал-губернаторы, Совет министров в силу закона при подготовке законопроектов был обязан получать заключения соответствующих генерал-губернаторов. Последние могли выходить с инициативой перед правительством и верховной властью по изменению законодательства, участвовать в разработке законопроектов в составе особых подготовительных комиссий и совещательных учреждений, а также приглашаться на соответствующие заседания Совета министров.

До создания в 1905–1906 гг. первого «объединенного правительства» – реформированного Совета министров для подготовки важнейших государственных преобразований и объединения в этих целях действий глав центральных ведомств создавались различного рода высшие комитеты. В отношении национальных окраин в их составе всегда присутствовали соответствующие генерал-губернаторы и наместники. Более узкий состав представителей центральных ведомств в таких учреждениях позволял отдельным генерал-губернаторам увеличить свое влияние на императора за счет иных высших и центральных учреждений. Подобная практика, позволявшая оперативно решать наиболее важные государственные задачи в условиях отсутствия единства в действиях министров, самым негативным образом сказывалась на единстве управления всем Российским государством.

В этом смысле «печальную память» имел Особый комитет Дальнего Востока [2, с. 220]. В состав Комитета под председательство царя входили лишь четыре министра, статс-секретарь А. М. Безобразов и наместник на Дальнем Востоке. Управляющим делами Комитета был назначен адмирал А. М. Абаза, получивший право докладывать дела лично императору. На практике данное совещательное учреждение не собиралось, а дальневосточные дела докладывались монарху А. М. Абазой и А. М. Безобразовым [1, с. 334]. Таким образом, министры были устранены от решения вопросов по Дальнему Востоку в пользу наместника Е. И. Алексеева и вышеуказанных докладчиков – «безобразовской клики».

Однако рост числа обсуждаемых специальных вопросов по Дальнему Востоку уже поле упразднения Особого комитета Дальнего Востока в 1905 г. заставил В. Ф. Романова выступить с инициативой создания Постоянного совещания по делам Дальнего Востока. Первоначально проект, представленный императору главноуправляющим Главным управлением землеустройства и земледелия кн. Б. А. Васильчиковым, получил предварительное одобрение [2, с. 220, 224, 228]. Но окончательное разрешение вопрос получил лишь в июне 1909 г. при обсуждении возможности колонизации в полосе будущей Амурской железной дороги [10, с. 240–246]. На тот момент был окончательно выработан и утвержден наместником правительством план мероприятий по освоению Восточной Сибири и Дальнего Востока – фактически программа различных мероприятий, в том числе и законодательного характера. Поэтому остро требовалось специальное учреждение, разгружающее правительство, осуществляющее и координирующее разработку мер предусмотренной программой.

Инициатива по созданию особого комитета для общего направления и объединения колонизационного дела на Дальнем востоке принадлежала теперь главноуправляющему Главным управлением землеустройства и земледелия А. В. Кривошеину. Проектируемый комитет должен был состоять под председательством самого главноуправляющего и представителей всех заинтересованных сторон. Фактически речь шла о создании постоянно действующего межведомственного комитета. Подобные временные межведомственные подготовительные комитеты и совещания создавались в тот период по самым различным вопросам. Практиковалось и создание совещаний на уровне отдельных генерал-губернаторств.

Предложение А. В. Кривошеина было воспринято положительно, но, учитывая обширность предстоящих работ, выходящих за рамки одного ведомства, и важный характер задачи, во главе комитета предлагалось поставить особое лицо из числа членов правительства по указанию императора, а сам комитет создать при Совете министров.

Примером здесь должен был быть хорошо зарекомендовавший себя Комитет Сибирской железной дороги. Последний, будучи высшим комитетом, имел достаточно широкий состав, а его делопроизводство находилось в Канцелярии Комитета министров во главе с ее управляющим. Последний возглавил и специальную подготовительную комиссию. Комитет Сибирской железной дороги фактически действовал в качестве сокращенного состава Комитета министров по вопросам, связанным со строительством Транссиба и с освоением прилегающих к дороге территорий. Комитет существенным образом не нарушал прерогативы отдельных министров и не подрывал единства управления.

Вновь планируемый комитет создавался при Совете министров, а его решения по важнейшим вопросам поступали на рассмотрение правительства. Дела, не требующие разрешения в законодательном порядке и получившие единогласное одобрение, комитет решал окончательно, и они подлежали исполнению соответствующими ведомствами. Все это в теории способствовало освобождению правительства от лишней работы при сохранении контроля над дальневосточными делами. Кроме того, данный подход говорил о твердом намерении председателя Совета министров отстаивать принцип единства в государственном управлении.

Председателем комитета был назначен П. А. Столыпин, членами – представители следующих ведомств: Императорского двора и уделов, Иностранных дел, Военного, Морского, Внутренних дел, Юстиции, Финансов, Торговли и промышленности, Путей сообщения, Главного управления землеустройства и земледелия и Государственного контроля. В случае необходимости могли приглашаться представители Святейшего Синода и Министерства народного просвещения. Во время нахождения в столице в заседаниях участвовали приамурский и иркутский генерал-губернаторы, амурский, приморский и забайкальский военные губернаторы, а также иркутский, якутский и камчатский губернаторы [11].

В целях исследования условий колонизации территорий, прилегающих к Амурской железной дороге, создавалась специальная экспедиция.

Заседания Комитета по заселению Дальнего Востока могли проходить в полном составе Совета министров [12, с. 94]. Делопроизводством комитета занималось I отделение Канцелярии Совета министров.

Начало усиленному вниманию правительства к проблемам Дальнего Востока положил лично император. Последний под влиянием гр. Н. П. Игнатьева потребовал от министров, поначалу встретивших данный крайне затратный проект без положительных эмоций, принять скорейшие меры к началу сооружения Амурской железной дороги в целях освоения края и предотвращения возможной угрозы со сторо-

ны Японии и Китая [13, с. 130]. Постепенно вопросы строительства Амурской железной дороги, крепости во Владивостоке, его обороны, развития водного транспорта, колонизации края, административного и судебного переустройства, эмиграции и использования природных ресурсов все чаще встречаются в повестке дня заседаний Совета министров. В апреле 1908 г. глава правительства (по причине неопределенности отношения Государственного Совета к строительству Амурской железной дороги) просил быть на заседании всех министров – членов верхней палаты парламента [12, с. 44].

Разработка «общей программы правительственной деятельности по отношению к областям Дальнего Востока» началась после утверждения императором 19 июня 1908 г. журнала заседаний Совета министров, которые состоялись в апреле-мае 1908 г. [14, с. 208–214]. Формальной причиной правительственной работы в данном направлении стала резолюция Николая II на обзор русской печати об Охотско-Камчатском крае: «На Восточную Сибирь вообще и на Охотско-Камчатский край в особенности следует обратить самое серьезное внимание и приступить к жилой деятельности там немедленно» [14, с. 208].

Для предварительного обсуждения будущей программы мероприятий были приглашены иркутский генерал-губернатор А. Н. Селиванов и приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер, которые указали на необходимость первоначального решения самых насущных проблем: 1) необходимость административной реформы Приморской области; 2) проведение телеграфных линий; 3) пересмотр законодательства о запретной для горной промышленности стоверстной прибрежной полосе; 4) принятие мер против переселения корейцев; 5) ограничение казачьего землевладения в целях выделения земель для колонизации.

Было принято решение о разработке МВД предложений о переустройстве Приморской области и о. Сахалин, об увеличении там штатов полиции, о мерах против корейской иммиграции, а также о создании телеграфных линий.

Кроме того, предусматривалась разработка законопроекта об отмене добычи полезных ископаемых в прибрежной полосе и о создании особого совещания для разработки предложений об ограничении казачьего землевладения в целях наделения земельными участками переселенцев [14, с. 214].

В ноябре 1908 г. приамурский генерал-губернатор выступил с новыми предложениями: ограничить наем китайских, корейских и японских рабочих (иностранцев), а также сдачу в аренду казенной земли, пригодной для колонизации. Далее поднимался вопрос об охране рыбных богатств, а запрет на отдачу лесопромышленниками своих прав иностранцами не должен был нарушаться [15, с. 422].

В целях ускорения обсуждения инициатив П. Ф. Унтербергера по предложению Совета министров в апреле 1909 г. было создано межведомственное совещание под председательством товарища министра внутренних дел С. Е. Крыжановского.

18 апреля 1909 г. по вопросам, рассмотренным совещанием Крыжановского и не получившим еще своего разрешения, состоялось правительственное заседание, журнал которого был утвержден императором в мае [10, с. 135–145].

Совет министров обратил внимание на следующие вопросы, требующие принятия законодательных или подзаконных мер, финансовых ассигнований, а также действий в порядке управления: 1) ограничение японского судоходства вдоль российского побережья; 2) выработка законодательных мер против японского шпионажа на Дальнем Востоке; 3) строительство телеграфных линий; 4) разработка законодательных мер по устройству быта переселенцев на о. Сахалин; 5) выработка законопроекта об усилении полиции Владивостока; 6) закрытие севера Приморской области для иностранных судов, за исключением некоторых портов; 7) запрещение иностранцам жительства в северных уездах Приморской области; 8) постройка грунтовых дорог, благоустройство коммерческого порта во Владивостоке и вопрос о доставке сучанского угля; 9) снятие запрета на добычу полезных ископаемых в прибрежной полосе для частных лиц с привлечением к труду только русских рабочих (с особого разрешения приамурского генерал-губернатора был бы возможен наем иностранцев); 10) создание окружного суда в Петропавловске; 11) дополнение новыми положениями законопроекта МВД «о мерах против наплыва китайцев и корейцев», внесенного в Государственную Думу.

Разработка соответствующих законопроектов поручалась министрам внутренних дел, финансов, торговли и промышленности, юстиции. При МВД создавалась межведомственная комиссия для обсуждения проекта правил о запрещении проживания иностранцам в северных уездах Приморской области, составленного приамурским генерал-губернатором [10, с. 145].

Таким образом, программа правительственных мер по освоению Дальнего Востока в своей основе была принята, хотя она носила скорее характер общего плана мероприятий различного рода. Дальнейшие события вынуждали правительство ее уточнять, меняться и предусмотренные для выполнения ее положений организационно-правовые формы. При определении содержания программы правительство руководствовалось волей императора, интересами влиятельных политических кругов в палатах парламента, насущными потребностями, продиктованными условиями развития края, а также мнимыми и реальными внешнеполитическими угрозами. Вопросы

внешней политики и обеспечения обороны на восточных рубежах прямо не входили в компетенцию правительства, однако, так или иначе, выступали предметом рассмотрения на его заседаниях при обсуждении соответствующих организационных, правовых и финансовых мероприятий и законопроектов.

Принятая правительством программа освоения Дальнего Востока в своей законодательной части, как и вся правовая политика Совета министров под председательством П. А. Столыпина, носила компромиссный характер, была в определенной мере предметом торга с влиятельными правовыми силами в Государственной Думе и Государственном Совете. Марков 2-й ставил в упрек Военному министерству широкое привлечение дешевой иностранной рабочей силы на Дальнем Востоке [10, с. 60–61]. Но после введения в действие в 1910 г. Закона об ограничении использования иностранного труда Совет министров

по настоянию генерал-губернаторов должен был неоднократно разрешать исключения из этого Закона в интересах постройки военных объектов.

Правительство должно было учитывать теперь помимо воли императора, а также придворных кругов еще и мнение парламента. Однако правительство (при сильном председателе) получило и дополнительные возможности, став важнейшей площадкой, где учитывались различные политические интересы и окончательно выработывались законопроекты, имевшие поддержку Совета министров на всех этапах своего прохождения по инстанциям. Эффективность работы правительства в данном направлении повышалась с созданием Комитета по заселению Дальнего Востока. Но одновременно стоит признать тот факт, что законодательная политика правительства в отношении окраин, Дальнего Востока отнимала слишком много сил от решения насущных задач в центре страны.

Пристатейный библиографический список

1. Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого : Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М. : Новое литературное обозрение, 2000.
2. П.А. Столыпин глазами современников. М. : РОССПЭН, 2008.
3. Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи : в 2 т. Т. 1. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.
4. Аверин М. Б. Совет министров Российской империи : правовое регулирование в национальных окраинах (1906–1914). М. : РПА Минюста России, 2013.
5. Сибирь в составе Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2007.
6. Дин Ю. И. Китайские и корейские рабочие в политике Российской империи в начале XX в. // Известия Восточного института. 2014. № 2 (24).
7. Казанцев В. П., Салогуб Я. Л. Организационно-правовые основы главного управления Приамурского генерал-губернаторства по административно-территориальной реформе 1884 г. // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2014. № 2 (39).
8. Галлямова Л. И. Особенности социально-экономического развития Дальнего Востока России в контексте реформ П. А. Столыпина // Вестник Дальневосточного отделения Российской академии наук. 2013. № 1 (167).
9. Ходяков М. В. Российское законодательство начала XX века об использовании желтого труда в экономике Дальнего Востока // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 60.
10. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909–1917 гг. 1909 г. М. : РОССПЭН, 2000.
11. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 29. Отд. 1. СПб., 1909. № 32662.
12. Поливанов А. А. Из дневников и воспоминаний по должности военного министра и его помощника. 1907–1916 гг. М. : Высший военный редакционный совет, 1924.
13. Соловьев К. А. Законодательная и исполнительная власть в России : механизм взаимодействия (1906–1914). М. : РОССПЭН, 2011.
14. Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906–1908 гг. 1908 г. М. : РОССПЭН, 2011.
15. П. А. Столыпин. Грани таланта политика. М. : РОССПЭН, 2006.
16. Аблеев С. Р., Марченя П. П., Аверин М. Б. и др. Наука и образование перед вызовами современного российского общества : материалы межведомственного круглого стола // Философские труды и современность : сборник научных трудов. М. : Изд-во ИПЛ, 2019.

References

1. *Gurko V. I.* Features and Silhouettes of the Past: The Government and the Public in the Reign of Nicholas II in the Image of a Contemporary. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000.
2. P. A. Stolypin Through the Eyes of Contemporaries. Moscow: ROSSPEN, 2008.
3. Institute of General Governorship and Viceroyalty in the Russian Empire. In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University, 2001.
4. *Averin M. B.* Council of Ministers of the Russian Empire: Legal Regulation in National Suburbs (1906–1914). Moscow: RLA of the Ministry of Justice of Russia, 2013.
5. Siberia as a Part of the Russian Empire. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.
6. *Ding Yu. I.* Chinese and Korean Workers in the Politics of the Russian Empire at the Beginning of the 20th Century // News of the Oriental Institute. 2014. No. 2.
7. *Kazantsev V. P., Salogub Ia. L.* Organizational and Legal Bases of the Main Department of the Amur General Government for Administrative and Territorial Reform in 1884 // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2014. No. 2 (39).
8. *Galliamova L. I.* Features of Socio-Economic Development of the Russian Far East in the Context of Reforms by P. A. Stolypin // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 2013. No 1 (167).
9. *Khodiakov M. V.* Russian Legislation of the Early 20th Century on the Use of Yellow Labor in the Economy of the Far East // Bulletin of Tomsk State University. History. 2019. No. 60.
10. Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1909–1917. 1909. Moscow: ROSSPEN, 2000.
11. *Complete Collection of Laws of the Russian Empire.* Coll. 3. Vol. 29. Part 1. St. Petersburg, 1909. No. 32662.
12. *Polivanov A. A.* From Diaries and Memoirs on the Post of the Minister of War and His Assistant. 1907–1916. Moscow: Supreme Military Editorial Council, 1924.
13. *Soloviev K. A.* Legislative and Executive Power in Russia: Mechanism of Interaction (1906–1914). Moscow: ROSSPEN, 2011.
14. Special Journals of the Council of Ministers of the Russian Empire. 1906–1908. 1908. Moscow: ROSSPEN, 2011.
15. P. A. Stolypin. Facets of a Politician's Talent. Moscow: ROSSPEN, 2006.
16. *Ableev S. R., Marchenia P. P., Averin M. B. et al.* Science and Education Before the Challenges of Modern Russian Studies: Materials of the Interdepartmental Round Table // Philosophical Works and Modernity: Collection of Scientific Articles. Moscow: IPL Publishing House, 2019.